EDN ELIOQD

ПОНЯТИЕ *DECKUNG* В ГУССЕРЛЕВСКОЙ ФЕНОМЕНОЛОГИИ И ЕГО РОЛЬ В ПОНИМАНИИ*

ЕВГЕНИЯ ШЕСТОВА

Кандидат философских наук, доцент, научный сотрудник.
Российский государственный гуманитарный университет.
125993 Москва, Россия.
https://orcid.org/ 0000-0003-4246-9256

E-mail: eschestowa@gmail.com

В статье исследуется спектр значений понятия *Deckung* в феноменологии Гуссерля. Выделяются три основных аспекта этого понятия, которые соотнесены с существующими русскими и английскими переводами: *Deckung* как совпадение, как наложение и как возмещение/отклик; уже во втором аспекте подчеркнут аффицирующий характер подразумевающего акта, который в третьем понимании раскрывается как «запрос» подразумевания. Использование понятия *Deckung* подчеркивает двусложную структуру смыслоконституирования. Она не подразумевает темпоральной последовательности, но позволяет выявить роль пассивных структур в генезисе смысла и связать смыслопридание с проблематикой интерсубъективности и конституирования общего мира. В статье предложено в качестве основного рассматривать третий вариант трактовки *Deckung*, использующийся при описании интерсубъективного вчувствования и понимания в коммуникации. Такой подход позволяет исследовать свободный характер мотивации в *Deckung* и подчеркивает сложности с удостоверением «совпадения». Более продуктивным, чем идеал «очевидности» в установлении *Deckung в* интерсубъективном понимании, нам кажется критерий «достаточности», поскольку горизонтная структура мира открывает мир как поле постоянного согласования «моих» и «чужих» смыслов. Дескрипция в понятиях «запроса» и «отклика» позволяет пересмотреть жесткое разграничение между «моим» и «чужим»; для описания промежуточных вариантов предложены понятия «перенятия» и «соучастия». При этом существенную роль начинает играть установка «ответственности» — под ответственностью имеется в виду не некий моральный выбор, но ориентация на интерсубъективное взаимодействие и готовность к совместному конституированию мира. Данная трактовка *Deckung* не противоречит первым двум, но расширяет контекст рассмотрения, отмечает разные проблем-

* Статья написана при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда № 23-18-00802 «Мир, язык, реальность: европейская и русская философия в концептуальном и терминологическом измерении».

© ЕВГЕНИЯ ШЕСТОВА, 2025

ные сферы, в которых оно используется, и учитывает дальнейшую перспективу разработки этого понятия во французской феноменологии.

Ключевые слова: Deckung, Гуссерль, интерсубъективность, понимание, вчувствование, коммуникация, жизненный мир, сообщество.

THE CONCEPT *DECKUNG* IN HUSSERL'S PHENOMENOLOGY AND ITS ROLE IN COMMUNICATION*

EVGENIYA SHESTOVA

PhD in Philosophy, Associate Professor, Researcher.
Russian State University for the Humanities.
125993 Moscow, Russia.
https://orcid.org/0000-0003-4246-9256

E-mail: eschestowa@gmail.com

The article examines the spectrum of the senses of the concept *Deckung* in Husserl's phenomenology. Three main aspects of this concept are distinguished, which correlate with existing Russian and English translations: *Deckung* as 'coincidence', as 'overlaying' ('overlapping') and as 'covering' ('backing', in our terms also 'response'). The second perspective demonstrates already the affective nature of the act of meaning, which is emphasized in the third perspective and explained as the 'request' of the act of meaning. The synthetic character of the *Deckung* marks the twofold structure of sense-giving. It does not imply the temporal sequence, but allows us to identify the role of passive structures in the genesis of sense and to relate the sense-giving to the problematic of intersubjectivity and the constitution of a common world. We propose to consider the third aspect of the interpretation of *Deckung* as the most productive. This interpretation is used mainly in the description of intersubjective empathy and understanding in communication. This approach allows us to explore the flexible mode of motivation in *Deckung* and emphasizes the difficulties with validation of "coincidence". We propose to substitute the ideal of "evidence" in the *Deckungs*-synthesis by intersubjective communicaton with the criterion of "sufficiency", since the horizon structure of the world reveals the world as a field of constant coordination of "mine" and "foreign" meanings. The description with concepts of "request" and "response" allows us to reconsider the rigid distinction between "mine" and "foreign" — we propose to use the concepts of "takeover" (*Übernahme*) and "participation" (*Teilhabe*) for description of more complicated variants. The acception of "responsibility" plays in these circumstances a significant role — "responsibility" does not mean some kind of moral choice, but only an orientation toward intersubjective interaction and a readiness for collaborative constitution of the world. This third interpretation of *Deckung* does not contradict the first two, but expands the context of consideration, marks various problematic areas in which it is used, and takes into account the further developing this concept in French phenomenology.

Keywords: Deckung, E. Husserl, intersubjectivity, understanding, empathy, communication, life-world, community.

---

* The publication was supported by Russian Scientific Foundation, project no. 23-18-00802 "World, language, reality: European and Russian philosophy in the conceptual and terminological dimension".

В этой статье мы рассмотрим понятие *Deckung* как одно из «оперативных понятий» гуссерлевской феноменологии. В значительной мере мы посвятим статью тому, чтобы проследить соотношение между словом обыденного языка и понятием в различных употреблениях *Deckung* в текстах Гуссерля. При этом мы, с одной стороны, попытаемся выявить те естественные смыслы, которые ложатся в основу понятийного «переноса», концептуализации этого слова; а с другой стороны — прояснить использование этого понятия там, где его уже можно рассматривать как понятие. Тематически же основным пространством нашего исследования будет вопрос о смыслоконституировании в соотношении «Я — другие — мир», а конкретнее — проблема понимания как интерсубъективного конституирования в коммуникации. Эта проблемная точка объединяет и анализ интерсубъективности, и вопросы, связанные с теорией выражения и работой языка.

Понятие *Deckung* является для Гуссерля одним из ключевых при описании существенных моментов разнообразного опыта, связанного с этим проблемным полем: предметного конституирования, конституирования «образования пары» с Другим в опыте вчувствования, опыта понимания внутри сообщества. И чтобы подойти к проблеме понимания, мы сначала рассмотрим многообразие дескрипций, которые объединяет использование этого понятия. Поэтому в нашем тексте мы будем использовать его в оригинальном написании, а разные варианты перевода будем на протяжении статьи оговаривать отдельно — именно потому, что в разных контекстах будет уместно переводить его по-разному, но при этом для нас важно сохранить единство понятия. С нашей точки зрения, это не омонимичные понятия и не просто непонятийное слово обыденного языка, но одно понятие в разных употреблениях.

В силу того, что употребление этого понятия само по себе довольно разнообразно, мы не станем привлекать к рассмотрению широкий проблемный контекст и ограничимся прежде всего диалогом с коллегами, которые так или иначе рассматривают понятие *Deckung* в разных перспективах. Отдельно хочется отметить книгу Питера Костелло (Costello, 2012), в которой он представляет свою трактовку этого понятия при анализе интерсубъективности воплощенных субъектов. Мы учитываем в своем рассмотрении его трактовку, но в итоге хотели бы выделить другой аспект понимания *Deckung* — на наш взгляд, более существенный и более продуктивный; тот, который потом будет разрабатываться дальше во французской феноменологии, прежде всего у М. Мерло-Понти (и это переосмысление даст другие конститутивные соотношения между Я, другими и миром): аспект *Deckung* как «возмещения». Что касается источников, мы сосредоточимся на тех текстах, в которых можно проследить взаимосвязь опыта Другого

и опыта чужого (*das Fremde*), а также взаимосвязь конституирования Другого/других и мира: это *V Картезианская медитация* и ряд текстов из манускриптов по интерсубъективности[1]. Из этой перспективы мы предложим переосмыслить более ранние тексты, в частности VI Логическое исследование.

Первая часть статьи будет посвящена скорее предварительной историко-понятийной работе. Во второй же части мы на основании этого рассмотрения покажем, как понятие *Deckung* именно благодаря своей неопределенности работает при описании понимания и позволяет схватить способы взаимодействия в обозначенном треугольнике конституирования (Я — другие — мир). Мы сможем проанализировать, как выглядит акт *Deckung*, если рассмотреть его в коммуникативной развертке со стороны того, кто осуществляет понимание. Таким образом, мы будем двигаться между исследованием понятия — оно не будет, конечно, в прямом смысле историей понятия, но все-таки будет прояснением конкретного выражения, — и раскрытием его феноменологического содержания.

1. DECKUNG КАК СОВПАДЕНИЕ. VI ЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ И «АНАЛИЗЫ ПАССИВНОГО СИНТЕЗА»

В существующих русских переводах Гуссерля слово *Deckung* не выделяется как специфическое понятие и не имеет единого перевода — он зависит от тех оттенков смысла, которые это понятие принимает в каждом случае. В переводе «Начала геометрии» М. Маяцкого оно переводится как «покрытие» с уточнением «имеется в виду значение обеспечения (как, например, покрытие векселя, чека, потребностей)»[2] (Husserl, 1996, 219). В переводе «Картезианских медитаций» В. И. Молчанова это «совмещение» (например: Husserl, 2010, 146, 152), в его же переводе *VI Логического исследования*[3] — «совмещение» и «совпадение» (напр.: Husserl, 2024, 40, 49). Поэтому мы после предварительных рассмотрений предлагаем выделить три основных смысловых аспекта *Deckung,* которые могут быть соотнесены с существующими английскими переводами этого гуссерлевского понятия.

Первое понимание — то, что В. И. Молчанов переводит как «совпадение», а в *Husserl-Dictionary* Джозефа Коэна и Дермота Морана (Cohen, Moran, 2012) вы-

---

[1] Мы вовлечем в рассмотрение прежде всего приложение XII и текст 29 из HUA XV — тома, посвященного интерсубъективности. В них речь идет о связи сообщества и конституирования мира.

[2] Собственно, это уточнение когда-то привлекло наше внимание к этому понятию.

[3] Далее: *Логическое исследование* — ЛИ.

несено в заглавие соответствующей статьи как *coincidence*[4]. В этом словаре понятие *Deckung* истолковано прежде всего исходя из его употребления в начале VI ЛИ и в «Картезианских медитациях»[5]: речь идет о совпадении между интенциональными предметами двух актов: между предметом простого, пустого подразумевания (в более узком смысле — сигнитивного акта) и предметом акта, исполняющего это подразумевание. Речь не об адеквации понятия и вещи, а о «взаимопринадлежности» двух актов, причем тип исполняющей данности тоже предписан в подразумевании (если я ищу потерянное кольцо, то мне нужно именно это кольцо, а не другое, и не фотография кольца). В VI ЛИ Гуссерль описывает это так: осмысленное слово и соответствующее созерцание не просто одновременны или совместны, между ними возникает нечто новое, и это новое будет актом узнавания, или распознавания (*Erkenntnisakt*): «Таким образом, узнавание, которое соединяет определенным и простым способом переживание выражения, с одной стороны, и соответствующее восприятие, с другой стороны, конституирует переживание: узнавание этой вещи как *моей чернильницы*» (Husserl, 2024, 43; 1984, 560).

Акт узнавания — это синтезирующий акт, который соединяет переживание выражения и переживание восприятия и конституирует переживание узнавания вещи как «той самой вещи». И тут важно, что *Deckung* — совпадение подразумеваемого и воспринимаемого, узнавание вещи как с *очевидностью той самой вещи, данной как она сама*, — начинается с пустой интенции, с подразумевания, за которым следует исполнение[6]. То есть речь идет не просто о том, как происходит понимание выражения, но и о том, что всякое понимание имеет эту *пред*-структуру[7] более или менее определенного подразумевания. Таково динамическое представление отношения, которое мы имеем, как правило, статически, — но в 8-м параграфе VI ЛИ подробнее раскрывается именно

---

[4] Кроме этого там даны возможные переводы: ‘congruence’, ‘coinciding’, ‘covering’, о которых мы еще упомянем далее.

[5] А также, могли бы добавить мы, в лекциях о пассивном синтезе, опубликованных в HUA XI и относящихся к 1920/1921 г. — в эти же годы было переиздано VI ЛИ.

[6] Так в темпоральном разворачивании описывает это Гуссерль, хотя нам кажется, что речь идет не о временной последовательности: предструктура, с нашей точки зрения, подразумевает характер такого *пред-*, которое конституируется как предшествующее в момент окончательного конституирования. Поэтому эта тема подробнее раскрывается Гуссерлем в рамках «Анализов пассивного синтеза»: это *пред-* в редких случаях воспринимается как предшествование, а скорее выявляется как «уже пассивно наличествующее».

[7] В VI ЛИ, впрочем, это только намечено, но для нашего рассмотрения этот момент важен, и мы еще вернемся к этому в анализе манускриптов из HUA XV.

динамика *Deckung*: «Характерные черты этого единства *узнавания* проясняют нам теперь динамическое отношение. Сначала имеет место интенция значения, и притом данная в себе (*für sich*): лишь затем привходит соответствующее созерцание» (Husserl, 2024, 50; 1984, 567).

При этом Гуссерль оговаривает, что мы не всегда, конечно, осознаем это наличие «ожидания», это разделение «неосуществленной» интенции и осуществления, но динамическое рассмотрение позволяет проследить стадии осуществления.

> В динамическом отношении члены отношения и относящийся к ним акт узнавания разделены во времени; они развертываются во временной форме. В статическом отношении, которое представляет собой оставшийся результат этого временного процесса, они находятся во временном и предметном совпадении (*Deckung*). <…> у нас есть только это сознание единства, при этом возможно, что этому не предшествует заметным образом выделенная стадия неосуществленной интенции. Осуществление интенции здесь — это не процесс самоосуществления, но покоящаяся осуществленность, не процесс совпадения, но бытие в совпадении (*das in Deckung Sein*) (Husserl, 2024, 51–52; 1984, 567–568).

Характерный для Гуссерля ход возвращения в вопрошании от результата к процессу оказывается здесь развернут в обратном направлении как динамика понимания — и являет нам момент истолкования в восприятии[8]. Показывая себя «как она сама», в своей самоданности, воспринимаемая вещь при этом уже опирается на это предполагаемое «как», которое обозначает как раз скрытый или незамечаемый, но присутствующий зазор. Совпадение подразумевает уже существующую двусложность смыслопридания, и это еще более явно развернется в интересующих нас больше всего описаниях *Deckung*, где эти два акта могут быть разнесены во времени или по разным субъектам. И с нашей точки зрения, это обратным ходом указывает на то, что очевидность предполагает подразумевание[9]: чтобы предмет явился как «он сам», мы должны уже некоторым образом предположить, каков «он сам».

---

[8] Таким образом, очевидность, с точки зрения Гуссерля, предполагает адекватность исполнения, то есть имплицитное подразумевание и исполнение *Deckung*. Адекватность является одной из основный характеристик очевидности, как пишет Гуссерль в «Идеях I» (Husserl, 1976, 317 ff.; 2009, 427 ff.) и в VI ЛИ (Husserl, 2024, 138 ff.). Б. Марошан комментирует это в своем анализе понятия абсолютного у Гуссерля, говоря, что «адекватность — это совершенное совпадение *Deckung* пустой и наполненной интенции» (Marosan, 2022, 141).

[9] Это некоторым образом отличает гуссерлевское понятие очевидности, которое носит не событийный характер, от того, как будет разрабатываться эта тема во французской феноменологии. (См., напр.: Marion, 2014, 70 ff.). Если мы понимаем очевидность как подтверждение

2. DECKUNG КАК УДОВЛЕТВОРЕНИЕ. DECKUNG И ЕДИНСТВО СИНТЕЗА СУБЪЕКТА

Другое динамическое описание *Deckung* Гуссерль разворачивает в «Анализах пассивного синтеза», где он объясняет этот незамечаемый характер совпадения тем, что подразумевание и отсылание происходит на уровне пассивных синтезов, на уровне общих трансцендентальных структур, предвосхищающих и предписывающих в общей типике возможное разворачивание опыта. Уже в самом начале этих лекций Гуссерль говорит о том, что раскроет, как предстает «объективный смысл как единство возможных в бесконечном многообразии явлений, а также непрерывный синтез, который как единство совпадения (*Deckung*) позволяет являться тому же самому смыслу» (Husserl, 1968, 3). То есть явление предмета как того же самого разворачивается во внешнем и внутреннем горизонтах, которые являются горизонтами *пред*-ожиданий и подразумеваний, и последовательное явление предмета в оттенениях и аспектах либо подтверждает, либо не подтверждает эти ожидания. При этом обнаруживается то почти парадоксальное положение дел, которое Гуссерль с самого начала заявляет как основную проблематику пассивных синтезов: внешнее восприятие (восприятие предмета) — это некая постоянная претензия осуществить то, что оно по сути своей осуществить не в состоянии. Предметный смысл дается нам как уже завершенный. Предмет никогда не дан полностью, но дан как *смысл, задающий возможное совпадение* и ищущий подтверждения. Мы имеем дело не с окончательным совпадением (которое было бы схлопыванием всех горизонтов[10]), оно постоянно подразумевается как определяющее дальнейший ход опыта.

При этом такое подразумевание, происходящее на уровне пассивных синтезов, не проживается как данность сознания и может быть реконструировано[11].

ожидаемого, если она включает в себя адекватность исполнения, это не позволяет нам использовать это понятие для описания событий, превышающих наш горизонт ожиданий, событий аподиктичных, но не адекватных. Здесь невозможно удивление, вызванное событием.

[10] Ср.: «Не являются ли эпохе и редукция, посредством которых Гуссерль стремится осуществить идею науки, основанной исключительно на строгой очевидности, как раз исключением этой очевидности, воздержанием от полноты осуществления или неосуществления смысловых предвосхищений? <…> Строгая очевидность есть, таким образом, чистый выход за собственные пределы и, следовательно, пустой горизонт. Поэтому она есть не простое осуществление пустого значения, а совпадение осуществления и опустошения смысла» (Belousov, 2021, 78).

[11] Это описание реконструкции как того, что не вносит искажений в описание представляется нам одним из проблемных методологических моментов анализа пассивных синтезов. Гуссерль притязает на возможность аналитически раскрыть протекание неявного опыта, но нам представляется, что эта ретроспекция вносит в описание тот самый смысл темпо-

Это отражается и в ходе разворачивания самих лекций о пассивных синтезах, где Гуссерль сначала описывает возможные типы созерцаний (п. 17), а затем возможные типы пустых подразумеваний (п. 18), при этом, как он пишет, «каждому способу созерцания соответствует возможный способ пустого подразумевания. И то, что мы относим соответствующие [созерцания и подразумевания] к одному и тому же, означает, что соответствующие [созерцания и подразумевания] вступают в синтез предметного совпадения (*Deckung*)» (Husserl, 1968, 71). То есть каждому созерцанию как акту сознания сопоставляется подразумевание (как пассивно уже имеющееся) — а не наоборот. Это кажущееся нарушение хронологической последовательности отражает как раз специфический характер *Deckung* как «забегающего вперед», или как «претензии».

Характер учреждения смысла как исполнения подразумевания виден в ситуациях, в которых происходит корректировка подразумевания: ситуациях разочарования, противоречия или сомнения в существующем смысле. Им посвящены параграфы первого раздела («Модализация») лекций о пассивных синтезах. Все эти ситуации возникают как различные формы *не*-совпадения, неслучившегося *Deckung*.

Такое несовпадение может иметь двоякий характер (подробнее Гуссерль пишет об этом в п. 21 «Анализов пассивного синтеза»). Во-первых, когда не случается результирующего совпадения, в котором представление, функционирующее как интенция, наполняется соответствующим опытом, — не случается такого синтеза, который понимается как «насыщение». Неслучившееся совпадение здесь чисто структурное. Такой нейтральный характер подразумевания существует на уровне протенциально-ретенциальной структуры: в протенции мы уверены, что следующий момент наступит, хотя у нас нет конкретного ожидания относительно того, каким он будет. Соответственно, несовпадение будет разочарованием интенции и корректировкой ожидания: мы ожидали, что крышка стола с нижней стороны коричневая, а она оказывается покрашена в красный цвет.

рального предшествования и следования, который в случае анализа пассивности неизбежен как артефакт способа описания (см. примеч. 6). Сходную критику см. у М. Мерло-Понти в «Видимом и невидимом»: «Потерянное непосредственное, которое можно с трудом восстановить, несет в себе самом, если бы мы его все-таки восстановили, осадок (*le Sediment*) нашего критического предприятия, с помощью которого мы его снова и обнаружили, и в таком случае непосредственное не будет больше непосредственным» (Merleau-Ponty, 2006, 178). Отчасти, как нам кажется, это уже то, что О. Финк называет «конструктивной феноменологией».

Во-вторых, есть и другой уровень синтеза, который Гуссерль называет «более высоким слоем» и «слоем устремлений». Он не проводит здесь различения активности и пассивности, хотя и говорит о разных уровнях интенциональной направленности. С нашей точки зрения, он выделяет здесь в качестве слоя момент устремления, который есть в интенции, момент небезразличия или некой экзистенциальной заинтересованности. Мы подробнее поговорим о метафоре «слоев» в следующем разделе, пока же скажем, что здесь, как нам кажется, речь идет не совсем об отдельном слое, поскольку нет второго синтезирующего акта, речь идет о таком аспекте синтеза совпадения, который затрагивает самоконституирование субъекта.

Что интересно здесь для нас: Гуссерль пишет, что ситуация «нерешенности» или несогласованности, несовпадения — дискомфортна, эго стремится восстановить согласованность, вынести какое-то решение относительно того, чем же является предмет. Это, на наш взгляд, подтверждается неоднократными упоминаниями совпадения как «удовлетворения» (*Befriedigung*) или «снятия напряжения» (*Entspannung*): «Собственный смысл вопрошания раскрывается посредством отвечания, т. е. в ответе. Поскольку с ним наступает исполнение стремления, снимающее напряжение (*entspannende Erfüllung*), наступает удовлетворение (*Befriedigung*)» (Husserl, 1968, 60).

Гуссерль описывает этот двоякий характер синтеза как некий «сдвиг устремления»: целью устремления может стать «результирующий характер синтеза, характер “истинного”, удостоверяющий синтез как исполняющий [подразумевание]», — а может «появляющееся чувство удовлетворения, которое возникает как успех снятия напряжения стремления (*Strebensentspannung*), удовлетворения стремления (*Strebensbefriedigung*)» (Husserl, 1968, 88–89). С нашей точки зрения, дело в том, что под вопросом оказывается не только смысл предмета как уже предожидаемый, но и смысл субъекта, конституирующего этот предмет. И здесь становится видно, что

> Я аффицировано всем этим [расщеплением в противоречии]. Оно само как Я, неким своим образом, становится не едино с самим собой, раскалывается, и затем снова становится единым. <…> Когда восстанавливается согласованность восприятия, единое восприятие в нормальной форме в протекании, разрешается и внутреннее противоречие Я с самим собой. Я больше не может склоняться то к одному, то к другому… (Husserl, 1968, 54–55).

Простое отсутствие совпадения, неисполнение подразумевания, не ставит под вопрос саму структуру подразумевания, оно вносит корректировку в процесс исполнения смысла. В то же время в моменты, когда мы не можем выне-

сти решение о совпадении или несовпадении, это ставит под вопрос единство потока сознания, приводит само Я в состояние расщепленности. Акт *Deckung* затрагивает и конституирующего субъекта, включенного в процесс смыслоконституирования. Его подразумевание не может остаться подразумеванием, оно ищет того или иного, но какого-то исполнения. Забегание вперед имеет скорее характер требования, которое переживается в том числе как напряжение и неудовлетворенность. *Deckung* как «совпадение» закрывает этот запрос на исполнение смысла, однако ощутимость «несовпадения» выявляет внутренний характер запроса — выявляет как минимум двусложную (как станет виднее дальше, многосложную, континуальную) структуру смыслоучреждения.

3. ДИНАМИКА DECKUNG: DECKUNG КАК НАЛОЖЕНИЕ. ВЗАИМОПЕРЕХОД АКТИВНОСТИ И ПАССИВНОСТИ

Как мы говорили, в *Husserl-Dictionary* первый перевод *Deckung* на английский — это *coincidence*, совпадение, но у него есть и другой, тоже встречающийся в статьях английский перевод, который отражает еще один аспект понимания *Deckung*, — это *overlaying* или даже *overlapping* (Costello, 2012, 56), то есть наложение. Здесь акцент делается на том, что в *Deckung* участвуют два разных слоя, синтез которых не может преодолеть их различие и устранить дистанцию между ними.

Такое употребление *Deckung* (или глагола *sich decken*, *sich überdecken*) мы встречаем, например, в «Идеях II», где речь может идти о наложении друг на друга визуального и тактильного восприятия предмета или визуального и тактильного тела при локализации ощущений (см.: Husserl, 1952, 69; 151). В похожем смысле оно употребляется и в «Анализах пассивного синтеза», где речь идет о наложении разных ракурсов пространственной вещи, в которых вещь конституируется именно как пространственная (Husserl, 1968, 5). Там *Deckung* будет связываться с постоянным пассивным отсыланием и активным исполнением этого отсылания, уточняющим структуру отсылания, то есть эта структура рассматривается еще и в измерении пассивности и активности и их взаимоперехода. Об этом мы и говорили, когда упоминали о континуальной структуре смыслоучреждения: при последовательном рассмотрении вещи мы будем постоянно иметь тот или иной ракурс вещи и горизонты, к которым этот ракурс отсылает: синтезирующий акт будет переходом пассивного подразумевания в активное исполнение, а активно исполненное, в свою очередь, снова будет переходить в статус пассивно подразумеваемого в многообразии пассивных

актов (пустое подразумевание, воспоминание, «припоминание настоящего» (*Gegenwartserinnerung*), ретенция, протенция). И это появление актуального восприятия, уход его в слой пассивности, где оно определяет подразумевание, и его возможное дальнейшее «всплывание» создают последовательность многообразных подразумеваний и подтверждений разных аспектов, которые складываются в освоенный мир. В нем очевидность будет иметь частичный и локальный характер, возникая и ускользая, а не «накапливаясь», и это, как нам кажется, точнее описывает процессуальность познания.

Питер Костелло делает это истолкование основной линией своей интерпретации *Deckung* и подчеркивает, что «слоистость» подразумевает одновременно и совпадение, и дистанцию между перекрывающими друг друга слоями: «…подобно тому как мост обнаруживает дистанцию, которая необходима, чтобы он был мостом» (Costello, 2012, 57). Его понимание *Deckung* как *overlaying-on-a-distance* во многом возникает, как нам кажется, в перспективе представленного в последней главе его книги перепрочитывания этого понятия у Мерло-Понти и Левинаса. Мы согласны здесь в том, что для французских феноменологов действительно становится актуален этот аспект в общем сложном и продуктивном функционировании этого понятия (и еще более актуальны наши дальнейшие рассмотрения). Об этом мы поговорим ниже в тех разделах нашей статьи, которые будут посвящены рассмотрению функционирования *Deckung* при описании интерсубъективного взаимодействия.

Подчеркнутая значимость дистанции отличает Костелло от упомянутых выше интерпретаций (см. примеч. 8). Они опираются на «Логические исследования» и «Анализы пассивного синтеза» и делают акцент на роли синтезирующего акта *Deckung*, который дает предмет как он сам и тот же самый. Костелло учитывает еще и тексты XV тома Гуссерлианы (тексты по феноменологии интерсубъективности 1929–1935 гг.), к которому мы тоже обратимся позже. Соответственно, принципиальный момент в данности Другого — это невозможность непосредственной данности, удостоверение здесь возможно только опосредованное. *Deckung* между мной и другим предполагает только «апперцептивный перенос <…> который исключает действительно прямое и тем самым исходно-первичное предъявление специфических предикатов телесности» (Husserl, 2010, 142–143; 1973a, 140), а значит, не ликвидирует дистанцию, которая разделяет двух субъектов, образующих пару. Костелло пишет: «Я уверен, что дистанция возможна только при условии вовлеченности в пару с другим человеком. Именно эта дистанция — та, которую я не могу преодолеть, но она тем не менее производит само образование пары» (Costello, 2012, 158–159).

На наш взгляд, этот переход от понимания *Deckung* как синтеза к более сложному пониманию, работающему при «вчувствовании» и «образовании пары» можно проиллюстрировать знаменитым вопросом Гуссерля в *V Картезианской медитации* — вопросом, который для нас всегда был столь же неожиданным, сколь и, если следовать Гуссерлю, закономерным: «Что делает это тело [тело Другого] чужим, а не вторым моим телом?» (Husserl, 2010, 146; 1973a, 143). Этот вопрос в повседневном опыте выглядит довольно абсурдным и не кажется действительно волнующим вопросом[12] — но в нашей перспективе это указывает на то, что здесь удостоверение посредством *Deckung* действительно может иметь разный характер: в самом деле, если бы подразумевание могло быть исполнено только как синтез, то между моим телом и телом другого не было бы принципиальной разницы, как может ее не быть между одним столом и другим. Однако между моим живым телом и телом другого разница принципиальная, и когда Гуссерль расширяет на эту идентификацию понятие *Deckung*, это, на наш взгляд, важно для постановки под вопрос самого характера возможного синтеза.

Для Костелло этот аспект понимания *Deckung*, как мы говорили, очень важен. Вместе с тем, когда он делает акцент на сохранении дистанции между двумя элементами синтеза, он отсылает к тексту 2 из XV тома Гуссерлианы, где речь идет о *Deckung par distance* между двумя деревьями, которые растут друг рядом с другом и образуют «пару деревьев». И Костелло развивает эту линию, говоря о паре ботинок, которые отсылают друг к другу так, что мы видим не просто ботинок, но левый или правый ботинок (Costello, 2012, 160 ff.) Соответственно, это рассмотрение сосредотачивается скорее на разных способах отсы-

[12] Мы предполагаем, дело в том, что описание конституирования Другого из сферы своего собственного, к которому в дальнейшем присоединяется аналогизирующая апперцепция, — это все же не восстановление реального процесса смыслоучреждения, на которое зачастую притязает Гуссерль, и изложение данного методического исследования с его «тематическим эпохэ» — скорее конструкция, чем реконструкция. С нашей точки зрения, при рассмотрении различения моего и чужого тела продуктивной является фраза *V Картезианской медитации* о том, что «*ego* и *alter ego* всегда и неизбежно даны в изначальном образовании пары» (Husserl, 2010, 144; 1973a, 142). Именно этот аспект в конституировании телесно воплощенного эго — его самоконституирование через другого, а значит, то, что оно конституируется как всегда в каком-то смысле не уникальное, выделяется как собственное из слияния, — кажется нам заслуживающим рассмотрения. Впрочем, это выходит за рамки того, что мы можем найти в *V Картезианской Медитации* (см. об этом подробнее (Artemenko, 2020, 199 ff.)). Любопытно напряжение между тем, что мое тело — это единственное достоверно уникальное сущее, и тем, что оно выделяется из «изначального образования пары» — другие предметы могут встречаться нам в единственном экземпляре», телесное *ego* возникает в паре с *alter ego*.

лания. Но если с ботинками мы можем предположить принципиально парное существование[13], которое и провоцирует такое подразумевание, то в случае с деревьями нам совершенно неочевидно, каково может быть специфическое образование пары между именно этими двумя деревьями, а не между произвольными. То есть один предмет или ракурс воспринимается как отсылающий к чему-то определенному: к чему-то другому, но не к любому другому. Само это отсылание не предопределено, но мотивировано, а это подразумевает определенную свободу «исполнения».

В рассмотрении *Deckung* как наложения, как нам кажется, разворачивается процессуальность «исполнения» и тем самым отмечается важный момент всякого исполнения, теряющийся в статическом рассмотрении: зазор и различение между подразумеванием и исполнением. На наш взгляд, это позволяет уйти от двух пониманий *Deckung*, к которым порой склоняется сам Гуссерль[14]: *Deckung* как некоего дополнительного синтезирующего акта между интенцией значения и исполняющим ее созерцанием, который удостоверяет идентичность предметов этих актов, — и *Deckung* как наложения интенционального предмета двух актов. Нам кажется, что наиболее продуктивная модель понимания *Deckung* — модель «запроса» и «отклика», которая учитывает момент расхождения и дистанции между двумя актами и вместе с тем позволяет точнее описать процесс понимания в коммуникации.

---

[13] В древнерусском языке для обозначения таких предметов использовалось, как и в древнегреческом, двойственное число, поэтому грамматическая форма *pluralia tantum* («только множественное»), имеющая значение собирательности, включает в себя и реликтовые формы двойственного числа: ножницы, брюки, туфли, ботинки и т. д.

[14] См. подробнее разбор и критику первой модели *Deckung* у Петра Урбана (Urban, 2010). В этой же статье есть указание на дальнейшее развитие понятия *Deckung*, содержащее важную для нас идею отсылания. Урбан находит ее в манускриптах Гуссерля, относящихся к VI ЛИ, в форме «тенденции перехода» (*Übergangstendenz*) или «указательной тенденции» (*Hinweistendenz*), которая связана со всеми подлинными знаками и является отсылкой от нетематического восприятия знака к тематически подразумеваемому (Urban, 2010, 6 ff.). Знак, таким образом, становится носителем требования (*Forderung*) или не-личного практического затребования (*unpersonale praktische Zumutung*) (Husserl, 2005, 86), которое и является основной функцией знака в этом описании. Гуссерль подчеркивает, что речь идет не о личном требовании говорящего, не о чьей-то воле, стоящей за выражением (вопреки толкованию Деррида (Derrida, 1999)), но о том, что «знак сам по себе предстает носителем требования, которое он выдвигает из самого себя» (Husserl, 2005, 86).

4. DECKUNG КАК ОТКЛИК НА ЗАПРОС, «ПОКРЫТИЕ» ИЛИ «ВОЗМЕЩЕНИЕ» ЗАЙМА

Третий оттенок значения *Deckung*, который мы хотим выделить и который для нас представляет наибольший интерес, — это тот, который можно перевести на английский как *covering* или *backing*. Об этом пишет, например Чед Кидд: «Оно часто используется, чтобы обозначить что-то вроде финансового 'возмещения' или 'покрытия', когда мы покупаем страховой полис. Таким образом A может в этом смысле словно бы покрыть B, не будучи идентично с B по типу» (Kidd, 2019, 412, notion 8). Михаил Маяцкий тоже предлагает такое понимание в своем примечании переводчика к «Началу геометрии»: «Имеется в виду значение обеспечения (как, например, покрытие векселя, чека, потребностей)» (Husserl, 1996, 219). То есть речь идет не столько об актуальном синтезе, не о синтезе разных моментов или уровней и не о наложении/совмещении двух предметов или перспектив — а о некотором постфактум-возмещении или о том, что один интенциональный предмет может словно бы заместить другой. Такое возмещение как раз может быть не идентично тому, что взято взаймы или за что уплачено, — а включать в себя, если мы продолжим экономическую метафору, проценты, оговоренную пеню или какие-то другие дополнительные условия. Тем не менее в «покрытии» существенный момент составляет то, что оно принимается в качестве такового в силу не столько «естественного» или очевидного совпадения, сколько некой договоренности. Такая договоренность может предполагать не заранее обговоренные условия, но некоторое принятие в качестве возмещения, утверждение того, что «вот этого достаточно», чтобы исполнить обязательство или считать займ выплаченным, — «этого достаточно» становится ключевой характеристикой исполнения.

И здесь вопрос о синтезе делается проблематичным, поскольку вовлекает в процесс своего рода ответственность за возмещение или вопрос о критериях возмещения/исполнения: на каком основании мы говорим, что «этого достаточно»? Этот вопрос и будет для нас ведущим в оставшейся части этой статьи. Мы попробуем схватить эту структуру возмещения, чтобы в конце спроецировать ее обратно на более ранние случаи *Deckung* — прежде всего на уже упоминавшееся начало VI *ЛИ*.

Мы можем найти предварительный вариант этой структуры у Гуссерля в паре понятий *Weckung* (*sich wecken*) и *Deckung*[15]. Как трактует ее Питер

[15] Она встречается в «Анализах пассивного синтеза» (Husserl, 1968, 10, 75) и в «Картезианских медитациях» (Husserl, 1973a, 142; 2010, 145).

Костелло: «Феномен пробуждения — это феномен *дистанции*, или границы, между одним и другим, однако репрезентируемой в преодолевающем ее подобии. Феномен наложения — это феномен, который один и другой создают поверх этой дистанции» (Costello, 2012, 56). Для Костелло здесь принципиально важна взаимообусловленность этой дистанции и ее преодоления, их взаимоудержание.

Для нас здесь будет более существенным момент «запроса» или обращения: пробуждение подразумевает притязание или требование, более или менее открытый запрос[16]. Характер открытого запроса, который тем не менее удовлетворится не каждым откликом, интересует нас прежде всего. Это развивает тему «требования» или «затребования», которая, как мы писали выше, появляется у Гуссерля в манускриптах 1914 года, относящихся к работе над VI ЛИ: знака как носителя требования, за которым, однако, не стоит чья-то воля; требование является неким обязательством (*Sollen*), отсылающим интенцию к сознанию чего-то другого. Однако это обязательство все же предполагает в описании Гуссерля конкретную отсылку — и понимание становится исполнением предписания, пассивным «репродуктивным представлением» (Husserl, 2005, 88) и постепенной презентификацией (*Vergegenwärtigung*), которая шаг за шагом ведет к согласному следованию интенции. Нам кажется, однако, что эта попытка вписать отношения высказывания и понимания в схему активности и пассивности или учреждения и воспроизводства сглаживает специфику понимания, делая эту дескрипцию скорее предписанием, чем описанием. В случае понимания в интерсубъективном исполнении открытость запроса, как нам кажется, не только становится видна — в каком-то смысле она только и делает возможным понимание. Как пишет Гуссерль в VI ЛИ: «Выше мы сказали, что слово можно понять, не именуя что-либо в действительности. <…> не любое интендированное узнавание возможно, не всякое номинативное значение можно *реализовать*» (Husserl, 2024, 47).

В том, в чем Гуссерль видит угрозу, мы видим позитивный смысл. Понимание возможно и без *реактивирующей* исполняющей интенции, как неисполнение или как исполнение, которое не будет полностью соответствовать подразумеваемому, но тем не менее, читая, я буду считать это понимание исполнением. И именно благодаря упомянутой «дистанции» и несовпадению оно может стать таковым. «Динамическое» или, скорее, «генетическое» раскрытие статичного

[16] Как пишет Гуссерль в *V Картезианской медитации*: «Этот *Deckung* может быть полным или частичным; он каждый раз имеет свою шкалу градаций, предельным случаем которой является *равенство (Gleichheit)*» (Husserl, 1973a, 142; 2010, 145).

Deckung (который в контексте созерцания предполагает очевидное исполнение интенции, когда данное схватывается как «оно само», уже подразумеваемое) показывает, что зазор между «пробуждающей» интенцией и откликом на нее необходим для понимания — иначе бы мы, не имея очевидности, не могли бы понимать вообще, не могли бы ошибаться в понимании и уточнять его. Тем самым в понимании задействуется ответственность понимающего — иногда эксплицитная, иногда неявная, но так или иначе это принятие определенной позиции.

Под «ответственностью» мы понимаем несколько моментов, которые наметим сейчас и подробнее раскроем в последних разделах статьи.

Во-первых, это направленность на понимание — то есть готовность не просто услышать или прочесть сообщение, а в понимании откликнуться на запрос со стороны знака и ориентироваться на него как на пустую интенцию, уже подготавливающую и обещающую смысл. Стремление к *Deckung* подразумевает удержание запроса, который, может быть, нельзя реализовать полностью, но можно реализовать как-то.

Во-вторых, возможность понимания предполагает возможность образования пары с другим как с тем, кого я рассчитываю понять, а далее — и рассмотрение сообщества как сообщества понимающих друг друга людей. И в этом смысле *Deckung* в понимании означает возможность и готовность вступить в человеческое сообщество.

В-третьих, понимание происходит на основании стремления к общему миру. *Deckung* предполагает исполнение запроса в рамках мира, который для этого должен быть (или стать) общим миром. Понимание изначально не обещает, но предполагает это понимание на почве общего мира, и вместе с тем «производит» его.

В текстах тома об интерсубъективности мы видим, какую роль зазор между *Weckung* и *Deckung* играет в понимании: мы можем образовывать пару с другим во вчувствовании, несмотря на невозможность полного *Deckung* — и благодаря тому, что эта неполнота не мешает нам. Мы можем понимать сказанное нам, несмотря на невозможность в точности повторить исполняющий опыт — и благодаря тому, что это не мешает нам понимать. При рассмотрении понимания на первый план выходят такие сущностные характеристики *Deckung*, которые не дают считать «совпадение» его идеальным вариантом: это готовность субъекта существовать в рамках сообщества и откликаться на сообщения других в рамках мира, на почве которого происходит понимание.

5. DECKUNG И ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОСТЬ. DECKUNG В ПОНИМАНИИ

Чтобы исследовать, как этот зазор в *Deckung* функционирует в процессе понимания и совместного конституирования мира в общении, рассмотрим тексты 1931–1932 гг., собранные в XV томе Гуссерлианы, в томе по интерсубъективности. Мы выделим среди них приложение XII и текст 29, в которых говорится о необходимости языковой коммуникации для конституирования мира и о совместном конституировании мира. Первый из них называется «Язык, истина высказывания, окружающий мир (родной мир). Функция языкового сообщения для конституирования окружающего мира» (лето 1931 года), и в нем Гуссерль решительно заявляет то, что расходится с его ранней позицией относительно языка: «Высказывания любого рода, нормальные серьезные высказывания (не игровые фантазийные высказывания и прочие аномальные модусы [высказывания], куда мы теперь причисляем и монологические высказывания в молчаливом размышлении), функционируют для формирования (*Ausbildung*) опыта мира» (Husserl, 1973b, 221).

В этом месте он прямо корректирует собственную раннюю позицию времен «Логических исследований»[17]: в I ЛИ Гуссерль называет молчаливое размышление «измененной позицией» (Husserl, 2001, 45), здесь же «аномальным модусом высказывания» — усиливая акцент на коммуникативной функции языка в видах совместного существования в мире (соответственно, совместного конституирования мира). И действительно, коммуникация происходит, во-первых, в сообществе, во-вторых, в мире, который *сущностным образом определен исходя из языка* (Husserl, 1973b, 225). То есть человеческое сообщество представляет собой сущностным образом языковое сообщество, и мир этого сообщества не сводится к предметности и окружающей среде, это не мир животного. Человеческий мир включает в себя и собственный опыт каждого человека, и опосредованный языком чужой опыт, который может быть или не быть исполнен созерцательно, но так или иначе представляет собой потенциальный опыт. В этом смысле другие благодаря общему языку всегда уже готовят для меня общий мир и сообщают мне его: потенциальный опыт забегает вперед, опережает мой опыт и намечает его возможности. Горизонт мира определяется в том числе и языковым образом: как то, о чем другие сообщили мне как о возможном: «в изначальном “вчувствовании” как вторичном жизненном опыте, ставшем ему тоже собственным, он обладает этим настоящим вместе

[17] См. (Husserl, 2001), п. 8 «Выражения в одиночестве душевной жизни».

с языковым наслоением и языково-апперцептивным горизонтом; к этому миру принадлежат многообразные собственные и чужие языковые образования» (Husserl, 1973b, 225). Потенциальное вчувствование лежит в основе понимания.

В ситуации, где зазор между пустой и наполненной интенцией воплощен в различии между говорящим и понимающим, мы наглядно видим роль сообщества в формировании опыта. Мы находим возможность толковать понимание не как *Deckung* в реактивации уже исполненного, а как «отклик» на «запрос», и удостовериться в том, что он достаточен, можно за счет перенимания (*Übernahme*) интенций другого в коммуникации и причастности (*Teilhabe*) меня и другого к сообществу и общему миру. При этом понимание «только малой частью может вести человека к изначальному опыту того же самого содержания, и каждый раз обладает своим собственным правом, своим собственным способом подтверждения, а именно из согласования общественной жизни опыта» (Husserl, 1973b, 222). Повторение «изначального опыта» неудостоверяемо и остается в зоне нашей сопричастности и способности прийти к согласию.

Итак, что же это за *Deckung*, который не предполагает «изначального опыта того же самого содержания», но является откликом на запрос? Здесь мы можем подключить к рассмотрению текст № 29[18] из того же тома. На почве общего мира этот *Deckung* происходит двояким образом. В основе его лежит «перенимание» — и это перенимание часто является пассивным, незамечаемым: «в *Deckung* моего и его [другого], я попросту перенимаю его способы поведения, его установки, его значимости как свои <…> в *Deckung* я с ним совместно живу и выношу суждения» (Husserl, 1973b, 463). И только когда я по каким-то соображениям решаю дистанцироваться от другого, я понимаю, что жила в этом перенимании. Нам кажется, что это достаточно точная дескрипция той, как сказал бы Хайдеггер, уже-истолкованности мира, в котором мы живем вместе с другими. Вместе с тем это перенимание в описании Гуссерля более свободного толка, чем в описании Хайдеггера, и является только квазисосуществованием, квазисовместным волением, которое не тотально и может быть поставлено под вопрос, не носит характера «утраты себя». Здесь мы видим скорее неопределенность в том, что и насколько мы можем назвать «своим», а что «перенятым» (не чужим!). Нам кажется, что осмысление через запрос и отклик лучше соответствует этому опыту совместности: пока наше сосуществование протекает без

[18] Этот достаточно обширный манускрипт от апреля 1932 года озаглавлен «Феноменология сообщающегося сообщества (речь как обращение и восприятие речи) по сравнению с простым сообществом вчувствования (простым бытием рядом друг с другом). К феноменологической антропологии, к опыту (докса) и практике».

помех, мое понимание другого достаточно хорошо, однако в совпадении наших мотиваций и смыслов я не могу удостовериться, да и не нуждаюсь в этом. Эта идея перенимания сама основана в причастности, или соучастии в сообществе и общем мире.

Иными словами, нам кажется, что феноменология, исследуя *Deckung в* понимании, доходит до некоторого предела возможного исследования: мы говорим о *Deckung* как об акте, который в коммуникации удостоверяет понимание, но в конечном счете критерии «достаточности» понимания — в рамках гуссерлевской феноменологии — вряд ли определимы. Мы можем говорить только о мотивированности, но от чего именно зависит отклик, каким он должен быть и будет ли принят в качестве «достаточного» — это, как нам кажется, не описывается достаточно точно и может быть только засвидетельствовано в согласном действии. Поэтому гуссерлевское феноменологическое выражение закона противоречия в VI ЛИ: «Если кто-либо переживает очевидность А, то *очевидно*, что никто другой не может переживать абсурдность того же самого А» (Husserl, 2024, 142), с нашей точки зрения, в практике понимания обнаруживает как минимум спектр вариантов между очевидностью и абсурдом. Проблема здесь состоит в определении «того же самого» А, или А «в том же самом отношении»: отношение подразумевает горизонт мира, а общий мир (мы немного раскроем это дальше) вырабатывается в понимании, а не положен заранее. Соответственно, вопрос о *Deckung* приводит к вопросу о «том же самом» в разных смысловых горизонтах.

*Со*участие, которое имеет место в сообщении, предполагает, что я не просто разделяю тот смысл, который имеет в виду другой, или что его смысл совпадает с моим. Сообщение побуждает другого к действию: «сообщая нечто другому, я, разумеется, хочу побудить его к актам, я хочу заставить его воспринять то или другое, вспомнить о том или ином, что мы когда-то пережили вместе, или же я хочу, чтобы он принял к сведению что-то теоретическое вроде суждения» (Husserl, 1973b, 463). Таким образом, выражение передает не смысл, а призыв к нему[19]. Вторичный опыт, или «опыт вослед», «понимание вослед», — это ответ на «призыв» или «запрос», который может затронуть, а может и не затронуть другого, может вообще не вызвать у него желания повторить опыт. Отклик на запрос предполагает не столько повторение, сколько реакцию: я могу не выпол-

[19] Этот призыв, конечно, предполагает не только непосредственный приказ или просьбу — всякое сообщение рассчитано на то, что оно будет услышано и принято к сведению, и в этом смысле оно рассчитано на понимание. Следствием этого понимания может стать и действие, а может согласие или несогласие.

нить просьбу другого, но я приму ее во внимание, и это означает согласие по поводу общего мира, в котором такой запрос вообще имеет смысл — в котором он виден. Ответственность, о которой мы говорили выше, не имеет возвышенного смысла некоторого выразительного жеста или взятого на себя решения: речь идет о включенности в сообщество и о возможности, откликаясь, сделать выбор, который не обусловлен каузально, но мотивирован (в этом и состоит свобода «отклика»).

6. DECKUNG КАК ВЫСТРАИВАНИЕ ОБЩЕГО МИРА

Таким образом, критерий понимания оказывается в значительной мере практическим: понимание должно быть достаточным, чтобы мы могли жить в общем мире в самом широком смысле слова. Зазор между запросом и откликом оставляет возможность для свободы понимания и свободы отозваться. Ответственность, о которой мы говорили, означает не напряжение в попытке повторения, а готовность к сотрудничеству в пространстве общего мира, готовность включиться в этот мир как общее дело и откликнуться на запрос. Но — и общий мир, как нам кажется, получает смысл общего, когда мы приходим к согласию и можем обсудить что-то. Речь идет уже не просто о *Deckung* смысла, но о том, что друг с другом согласуются наши миры:

> …поскольку вчувствование удается и должно мочь удаваться как некий способ согласно подтверждающегося опыта, поскольку я могу последовательно понимать других как одних и тех же, постольку *Deckung* моего примордиального мира и примордиального мира других должен быть конгруэнтным *Deckung* или посредством корректуры вести к конгруэнтному *Deckung* (Husserl, 1973b, 469).

Иными словами, общность мира сама может рассматриваться как цель и постоянно поддерживающийся процесс, мир как целое тоже дан нам «с забеганием вперед» и подтверждается или не подтверждается в коммуникации. И здесь мы видим у Гуссерля своего рода герменевтический круг: мир служит почвой, на которой мы сообщаемся по поводу отдельных вопросов, но и само это общение, в свою очередь, позволяет нам выстроить общий мир. Этот общий мир не будет неизменным ни в предметном, ни в смысловом отношении: то, что меняется для меня в моем примордиальном мире, я могу затем сообщить другим, и в зависимости от того, придем ли мы к согласию или нет, это изменение останется только моим, станет всеобщим или же я могу признать его ошибочным. Горизонтная структура мира оставляет нам пространство для

внесения изменений. Таким образом, совместный мир достигается как согласованный[20]. И здесь существенно то, что это создание общего мира происходит в процессе коммуникации внутри языкового сообщества: человеческое сообщество от звериного отличается наличием языка и возможностью сообщения, которые делают это сообщество *над*историчным.

«Чего здесь [в простом вчувствовании] не хватает — это намерения и воли к **оповещению —** нет специфического акта сообщения (взаимного сообщения), которое как то, что создает сообщество, по-латыни называется *communicatio*» (Husserl, 1973b, 472). Знаменитое выражение *Miteinander und Ineinander[sein]*, которым описывается в «Начале геометрии» способ существования человечества как сообщества (Husserl, 1954, 380), Гуссерль поясняет в этом манускрипте как *In-Deckung-Sein*, описывая существование в сообществе, в котором отдельные личности соединяются в некую совместность — которая одновременно является и личным устремлением, и неким «многоголовым единством воли (*vielköpfige Willenseinheit*)» (Husserl, 1973b, 477). И мы отметим здесь, что, хотя вчувствование, как мы говорили, лежит в основе понимания, но именно нацеленность на оповещение и сообщение создает совместность в меняющемся общем мире, который открыт трансформациям. Вчувствование в гуссерлевском смысле подразумевает аналогизирующий перенос, но не творческое преодоление различий, на которые нацелена коммуникация.

Нам кажется, что идея такого рода сообщества, во-первых, указывает на то, что само *пред-* в *пред*ожидании, в «забегании вперед» отличается неясностью: я не могу (и не делаю этого) идентифицировать четко, кому оно принадлежит, мне или другому. Это приводит нас к тому, чтобы отказаться от четкого различения между реактивацией и производящим откликом. Точно так же мы не можем определить и момент возникновения «запроса», и в этом смысле, как мы уже говорили, это не темпоральное предшествование, но обнаружение сразу этой раздвоенной структуры «запроса — отклика».

Во-вторых, это проясняет, что имеется в виду под общностью мира. Разумеется, наш предметный мир далеко не тот, что был даже 200 лет назад, не говоря уж о 2000 лет разницы, и точно так же не один и тот же смысловой горизонт. Этот мир может стать общим в той мере, в которой мы берем на себя

[20] Гуссерль пишет о «нацеленности на истину» как на «суждение, которое мы согласно признаем для всего сообщества» (Husserl, 1973b, 477). Но нам кажется, что это, строго говоря, не является обязательной целью каждого члена сообщества. И ложь, и заблуждение тоже нечто сообщают другим, тоже являются некоторым запросом. То же самое мы скажем и о «непроизвольных» выражениях.

ответственность присоединиться к нему и в понимании нацелены на общность мира. Общность здесь не предполагает точного совпадения, у нас нет внешнего критерия этого совпадения, но предполагает отклик и достаточное понимание — достаточное для того, чтобы можно было говорить о понятности, чтобы это понимание можно было применить в соответствующей сфере нашей жизни. С нашей точки зрения, речь здесь идет не о солипсизме и «частных мирах», но о том, что понимание возникает почти как чудо: в предположенности идеи общего мира, в постоянно (и незаметно) идущем согласовании сингулярного и общего, между которыми нет ясного разграничения. В этом смысле описание «согласования сингулярных миров» кажется нам столь же сомнительным, как и полагание «объективного общего мира». Гораздо продуктивнее нам представляется именно описание через «производство» общего мира в коммуникации, где акт *Deckung* удостоверяет успех этого действия.

Эти истолкования уже выходят, как нам кажется, за рамки гуссерлевского понимания *Deckung*, но такое развитие представляется нам и более точным феноменологическим описанием, и более продуктивной проблематизацией. В дальнейшем эти возможности будут разрабатываться, в частности, М. Мерло-Понти. В анализе гуссерлевского «Начала геометрии» Мерло-Понти трактует «понимание вослед понятому» скорее как «производство вослед понятому», в котором выражение играет роль продуктивного ядра, «определенной пустоты». Это ведет к пересмотру понимания Я как «телесно» встроенного в традицию и конституирующегося в процессе соотнесения себя с «анонимными» структурами. С нашей точки зрения, эта интерпретация находит основание в текстах Гуссерля. При этом она указывает на возможные варианты прочтения VI ЛИ и «Анализов пассивного синтеза», которые актуализируют «генетическую» проблематику и сохраняют проблемный характер феноменологии.

7. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предпринятое нами исследование того, как функционирует понятие *Deckung* в текстах Гуссерля, разумеется, не является всеохватывающим — но все-таки в нем, как нам кажется, показан спектр употреблений и трактовок этого понятия. Эти вариации отражаются в том числе и в разных вариантах перевода этого понятия на английский и русский языки, который мы привели: как совпадение, как наложение и как возмещение, или отклик на запрос. Наша интерпретация этого понятия делает акцент на третьем аспекте значения *Deckung* — как «возмещения» или «отклика» и подробнее разворачивает кон-

текст анализа интерсубъективности, в котором такое понимание становится основным. Из этой перспективы мы можем пересмотреть то использование понятия *Deckung*, которое мы находим еще в VI *ЛИ*, и этот пересмотр не вступает в противоречие с текстом VI *ЛИ*. Это, помимо прочего, позволяет нам говорить все-таки о разных аспектах одного оперативного понятия, а не о своего рода «омонимичных» понятиях.

Между тем *Deckung*, на котором основывается очевидность, и *Deckung* в коммуникации нет четкого разграничения, а есть переход, который ориентируется на «достаточность» исполнения. И поэтому как очевидность может выступать только регулятивной идеей, так и непонимание будет только относительным. Именно эта относительность, с нашей точки зрения, и позволяет нам вообще говорить о понимании — удостоверение очевидности невозможно, но тем не менее в повседневном опыте язык обеспечивает возможность понимания в достаточной степени, несмотря на неочевидность — и благодаря ей.

Указание на «зазор» между запросом и откликом и соответственно на некоторую свободу в «возмещении» смысла позволяет рассмотреть те дополнительные феноменологические аспекты, которые вовлечены в понимание на разных уровнях и поставить вопрос и о генетическом разворачивании понимания, и о роли различных мотиваций в определении «достаточности» понимания, и о связи проблематики очевидности с интерсубъективным измерением и с конституированием мира как общего мира. Так очерчивается целый ряд проблемных измерений, на пересечении которых работает акт *Deckung*.

Структуру «забегающей вперед» пустой интенции и ее исполнения нельзя считать исключительно темпоральным разворачиванием понимания: «запрос» может обнаруживаться как требующий «отклика», а может выявляться только в «отклике» в рамках двусложной структуры этого акта, и в этом смысле его пассивное предшествование будет скорее реконструкцией. Мы видим уже в рамках гуссерлевской феноменологии выход к герменевтической структуре понимания, которая обозначается в генетическом рассмотрении. Это вовлекает в рассмотрение и вопрос о структуре субъекта, «перенимающего» чужие интенции в качестве собственных: мы не всегда способны провести различение здесь своего и чужого, и потому говорить о «перенятии» как об активности сознания было бы неточно — оно зачастую обнаруживается именно в отличении «своего». В то же время в «Анализах пассивного синтеза» обнаруживается очень точное, на наш взгляд, указание на то, что «нерешенность» и невозможность хоть какого-то исполнения неясного подразумевания мучительна для субъекта, поскольку раскалывает само эго, а следовательно, «запрос» не явля-

ется нейтральным структурным моментом. Он некоторым образом аффицирует субъекта — и возможно, именно эта невыносимость неопределенности также провоцирует нас счесть совпадение достаточным.

Дистанция, или зазор, между предметами запрашивающего и откликающегося актов при рассмотрении того, как функционирует *Deckung* в образовании пары, выявляет и проблему мотивации к образованию пары: почему некоторые предметы могут быть выделены как образующие пару. Мы рассмотрели разные варианты образования пары, в том числе парные предметы (ботинки), пространственно сближающиеся предметы (два дерева в стороне от прочих), подобные предметы (в предельном случае Гуссерль использует здесь для разъяснения математическое понятие конгруэнтности: два треугольника с равными сторонами и равными углами будут не одним и тем же треугольником, а двумя конгруэнтными треугольниками). В этих разных случаях «запрос» будет иметь разный характер, а соответственно в исполнение его вовлечены разные мотивации. Здесь, как нам кажется, пролегает некий предел: «мотивированность» как характеристика предполагает всякий раз контингентный характер этого понимания и более или менее осмысленного и достаточного отклика. То есть вопрос ставится о том, насколько мы можем говорить о «том же самом» в двух актах, синтезом которых оказывается *Deckung*.

Функционирование *Deckung* в интерсубъективном понимании при образовании пары указывает на дальнейшее развитие этой темы мотиваций: в сообщении не просто высказывается нечто, в нем всегда содержится запрос на то, чтобы высказанное было понято и принято во внимание. Мы высказываемся, желая быть услышанными и понятыми, а значит желая получить какой-то отклик на свое высказывание. Это может быть отклик действием, ответом или невниманием, но даже его отсутствие тоже воспринимается как отклик. Высказывание выносит на обсуждение некоторое изменение смысла в рамках общего мира. Это изменение требует согласования разных смысловых горизонтов и становится производством общего мира, где *Deckung* будет ориентиром и отметкой предполагаемой общности.

Наконец, в рамках проблематики мира *Deckung* в понимании дает нам практический критерий понимания: возможность действовать согласно в рамках общего мира. Это касается и очевидности той самой вещи или вещи как той же самой[21], и возможности договориться внутри сообщества, и более того — на

[21] Ср.: «Это означает, что существование вещи является относительным и представляет собой исключительно коррелят синтеза согласованности, который ведь потенциально простирается в бесконечность и, в конечном счете, есть лишь регулятивная идея, направляющая наш

основании этой договоренности выстраивать мир как общий мир. И здесь мы тоже наблюдаем некий герменевтический процесс: на основе общего мира как предпосылаемого горизонта внутри языкового сообщества происходит процесс конституирования общего мира[22], который в том числе участвует в формировании «*пред*структуры» понимания.

REFERENCES

Artemenko, N. A. (2020). Thematisation of Passivity in Husserl's Phenomenology and the Problem of the Intersubjective World. *Voprosy filosofii*, 8, 193-203. (In Russian)

Belousov, M. A. (2012). Hermeneutic Circle and "Voraussetzungslosigkeit" Principle in Husserl and Heidegger. *Horizon. Studies in Phenomenology*, 2012, 1 (2), 100–116. (In Russian)

Belousov, M. A. (2021). To the Question of Evidence in Husserl's Phenomenology: The Givenness and the Horizon. *Filosofskii zhurnal,* 14 (2), 66–81. (In Russian)

Cohen, J., & Moran, D. (2012). *The Husserl Dictionary*. London, New York: Continuum, Bloomsbury.

Costello, P. (2012). *Layers in Husserl's Phenomenology. On Meaning and Intersubjectivity.* Toronto: University of Toronto Press.

Derrida, J. (1999). *Voice and Phenomenon*. Rus. edn. St. Petersburg: Aletheia Publ. (In Russian)

Husserl, E. (1952). *Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie III: Die Phänomenologie und die Fundamente der Wissenschaft* (Hua V). Den Hague: Martinus Nijhoff.

Husserl, E. (1954). Die Frage nach dem Ursprung der Geometrie als intentional-historisches Problem. In Husserl E., *Die Krisis der europäischen Wissenschaften und die transzendentale Phänomenologie. Eine Einleitung in die phänomenologische Philosophie* (Hua VI) (365–386). Den Haag: Nijhoff.

Husserl, E. (1968). *Analysen zur passiven Synthesis* (Hua XI). Den Hague: Martinus Nijhoff.

Husserl, E. (1973a). *Kartesianische Meditaitonen* (Hua I). Den Hague: Martinus Nijhoff.

Husserl, E. (1973b). *Zur Phänomenologie der Intersubjektivität. Texte aus dem Nachlass. Dritter Teil. 1929–1935* (Hua XV). Den Hague: Martinus Nijhoff.

опыт мира. <…> имеет место некое подобие герменевтического круга. Данность вещи — это никогда не абсолютное предданное присутствие, которое затем бы схватывалось как таковое, но лишь коррелят определенной смысловой и пространственной перспективы, или же многообразия синтетически связанных перспектив. Наивность объективизма для Гуссерля — в упущении из виду этого обстоятельства. Всякое предметное *Da* соотнесено с сознательным *Vor* как смысловым горизонтом переживания. Только в свете этого горизонта нечто, выражаясь хайдеггеровским языком, может быть опознано как нечто» (Belousov, 2012).

[22] Или возможного не-конституирования, и тогда невозможность договориться означает буквально раскол мира, существование «в разных мирах» — и как мы можем существовать в общности с Данте или Гуссерлем, так же можем существовать в некотором смысле «в разных мирах» с нашими соседями. Насколько радикальным может быть этот раскол — это вопрос, но важно указать на то, что непонимание имеет не просто локальный характер. Здесь явно проявляется затронутая нами тема ответственности как, в частности, готовности или неготовности стремиться к пониманию.

Husserl, E. (1976). *Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Erstes Buch* (Hua III/I). Den Hague: Martinus Nijhoff.
Husserl, E. (1984). *Logische Untersuchungen. Bd. II. Zweiter Teil. Untersuchungen zur Phänomenologie und Theorie der Erkenntnis* (Hua XX). Den Hague: Martinus Nijhoff.
Husserl, E. (1996). *Origin of Geometry*. Rus. edn. Moscow: Ad Marginem Publ. (In Russian)
Husserl, E. (2001). *Logical Investigations. Vol. II, part 1.* Rus. edn. Moscow: Dom intellektual'noi knigi Publ. (In Russian)
Husserl, E. (2005). *Logische Untersuchungen. Bd. II. Zweiter Teil. Untersuchungen zur Phänomenologie und Theorie der Erkenntnis (Ergänzungsband)* (Hua XX/2). Den Hague: Martinus Nijhoff.
Husserl, E. (2009). *Ideas Pertaining to a Pure Phenomenology and to a Phenomenological Philosophy. First Book. General Introduction to a Pure Phenomenology*. Rus. edn. Moscow: Akademicheskii proekt Publ. (In Russian)
Husserl, E. (2010). *Cartesian Meditations*. Rus. edn. Moscow: Akademicheskii proekt Publ. (In Russian)
Husserl, E. (2024). *Logical Investigations. Vol. II, part 2.* Rus. edn. Moscow: Akademicheskii proekt Publ. (In Russian)
Kidd, Ch. (2019). Re-examining Husserl's Non-Conceptualism in the Logical Investigations. *Archiv für Geschichte der Philosophie*, 101 (3), 407–444.
Marion J.-L. (2014). The Saturated Phenomenon. In A. V. Yampolskaya & S. A. Sholochova (Eds), *(Post) phenomenology. New Phenomenology in France and Beyond* (63–99). Rus. edn. Moscow: Akademicheskii proekt Publ. (In Russian)
Marosan, B. P. (2022). Levels of the Absolute in Husserl. *Continental Philosophy Review*, 55, 137–158.
Merleau-Ponty, M. (2006). *The Visible and the Invisible*. Rus. edn. Minsk: Logvinov Publ. (In Russian)
Urban, P. (2010). Husserls Phänomenologie des sprachlichen Ausdrucks in ihrer Entwicklung. *Filosofický časopis. Suplementum*, 2010 (2), 1–10.